

На правах рукописи

Хамитова Жанна Александровна

**СОВЕТСКАЯ ЖУРНАЛЬНАЯ ПЕРИОДИКА 1930-Х ГГ.
КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОРОДА**

Специальность 07.00.09 –Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Автореферат на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань 2013

Работа выполнена на кафедре историографии и источниковедения
отделения «Институт истории» Института международных отношений ФГАОУ
ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель: Доктор исторических наук, профессор
Сальникова Алла Аркадьевна (Институт
международных отношений, истории и
востоковедения КФУ)

Официальные оппоненты:

Безрогов Виталий Григорьевич – доктор педагогических наук, специальность
13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования (г. Москва,
Институт теории и истории педагогики РАО)

Михайлов Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, специальность
07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического
исследования (г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»
(г. Пермь).

Защита состоится «26» декабря 2013 г. в 10.00 часов на заседании
диссертационного совета Д. 212.081.01 при Федеральном государственном
автономном образовательном учреждении высшего профессионального
образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу:
420111, г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55, ауд. 502 (корпус Института
международных отношений, истории и востоковедения).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке КФУ им.
Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный
университет» (читальный зал № 1 по адресу: Казань, ул. Кремлевская, д. 35).
Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского
(Приволжского) федерального университета <http://www.kpfu.ru> и на
официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства
образования и науки РФ <http://www.vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан « 17» ноября 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,

кандидат исторических наук

Д.Р. Хайрутдинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Одной из особенностей советской культуры 1930-х гг. являлся такой способ ее конструирования, как последовательная репрезентация новой действительности через образцы, героев и мифы. Идеал, он же «миф», стал также и излюбленным способом конструирования нового советского дискурса детства, который нес в себе свои знаки, ценности, установки. Скорость и эффективность процесса мифотворчества во многом возросли в XX в. в связи с развитием средств массовой информации. Уже в 1920-е гг. советское правительство выделило развитие прессы в приоритетное направление политики государства. Журналы, в отличие от массовых газет и радио, как отлаженный способ воздействия и формирования сознания, имели свою отличительную черту – каждый из них представлял собой «выделенный» канал коммуникации с определенной аудиторией, что позволяло легко подстраивать содержание любого журнала именно под «его» аудиторию.

Данное исследование выполнено в рамках изучения истории детства и «пространственного поворота» в современной исторической науке: оно посвящено изучению трансформации официального советского дискурса детства в 1930-е гг. и отражению и воплощению его в пространстве социалистического города. В работе исследуются процессы формирования новых ценностей и норм детства на страницах советских журналов через проекцию на городскую среду и вещно-предметный мир ребенка (прежде всего, игрушку).

С точки зрения тесной связи истории повседневности города (образа жизни и мышления его обывателей) и её пространственных характеристик, кардинальные изменения в структуре советского детского пространства (пространств) середины 1930-х гг. свидетельствовали о серьезных изменениях в повседневной жизни обитателей и посетителей этих локусов – детей, а также об изменении отношения и (или) репрезентации отношения к этой социальной группе у государства, а через некоторое время – и во всем социуме.

Ключевым для настоящего исследования является понятие «детское пространство», под которым автором понимается совокупность пространств советского города, посещаемых и населенных детьми. Среди этих пространств можно выделить собственно детские пространства, целенаправленно созданные и организованные для детей, учитывающие их возрастные особенности и потребности (обучающие, воспитательные, досуговые). Помимо этого, необходимо учитывать и появление детских компонентов (комнат, уголков, площадок) в структуре изначально «недетских» пространств, таких, например, как больницы, магазины, вокзалы и пр., что также способствовало изменению содержания понятия «детское пространство» на протяжении 1930-х гг.

Актуальность работы определяется в первую очередь предметом изучения – городским пространством советского детства. Ценностные установки, закладываемые советским государством в ребенка через конструирование нового детского городского пространства или наделение «детскими» чертами «взрослых» объектов советского города, в дальнейшем

стали фундаментальными ценностями всей советской культуры, маркерами исторической действительности 1930-х гг. Обращение к ним способствует более полному, всестороннему и объективному его изучению, а также учету предшествующего опыта в области образования и воспитания детей. Исследование детского пространства сквозь призму средств массовой информации дает возможность оценить реальную значимость СМИ в деле конструирования новой реальности и отношения к ней, в том числе в вопросе социализации ребенка и его воспитания.

Применение новейших исследовательских методов, базирующихся на современных представлениях об информации и ее преобразующем значении, попытки усовершенствовать методику источниковедческого анализа журнальной периодики также придают актуальность данной работе.

Научная новизна диссертации состоит в том, что она является первым специальным исследованием по данной теме. Для ее освещения и решения поставленных задач автором были применены новые междисциплинарные подходы к изучению периодической печати как исторического источника с учетом современных концепций прессы. Это предопределило использование в настоящей работе теорий и методов социального управления, функциональной журналистики, источниковедения, социологии, исторической антропологии и культурологии. Автором была также впервые разработана и апробирована новая система выявления и отбора основных источников исследования – наиболее репрезентативных периодических изданий, характеризующихся рядом признаков, в первую очередь, их местом и ролью в конъюнктуре журнального поля изучаемого периода.

Научной новизной обладают и полученные результаты исследования, раскрывающие масштаб и системность конструирования советской культуры детства и вписывающие ее в широкий социополитический и историко-культурный контекст. Исследование выявило и подтвердило значение городского пространства и детской игрушки не только как эстетического (визуального) аспекта новой советской культуры, но и как действенного способа социализации детей и взрослых, той «оболочки», в рамках которой происходил процесс формирования «нового» советского человека и «новой» советской действительности в целом.

Объектом данного исследования является советская журнальная периодика 1930-х гг., **предметом** – отражение на страницах советских специальных журналов процесса конструирования властью нового городского детского пространства и его вещно-предметного наполнения в 1930-е гг. Под «специальными» («отраслевыми» или «профессиональными») журналами понимаются журналы, освещающие преимущественно события определенной отрасли (промышленности, народного хозяйства, науки, искусства). При этом термин «специальный» в современной журналистике оценивается как наиболее емкий для обозначения всей массы изданий, чье целевое назначение состоит в распространении специальной, деловой, профессиональной информации, в противовес к информации общезначимой.

Территориальные рамки исследования ограничиваются городом Москвой. Именно на нее, в первую очередь, были ориентированы все

прогрессивные преобразования в пространственно-концептуальном плане. Москва в сталинской культуре репрезентировалась как «город-образец», «столица первого в мире социалистического государства», по примеру которого должны были реконструироваться и преобразовываться все остальные города страны.

Хронологические рамки исследования ограничиваются 1929–1939 гг. Это десятилетие в истории СССР было насыщено событиями и процессами, кардинально изменившими весь облик страны. Верхняя дата знаменует кардинальные изменения в политической и экономической жизни (год великого перелома), нижняя дата констатирует уровень достижений СССР. На протяжении исследуемого периода кардинальные изменения коснулись и самих журналов: одни журналы изменили свою структуру и характер материала, ряд журналов закрылся, а вместо них появились другие издания, с «правильным» пониманием и трактовкой новых идеологических установок.

Целью диссертационной работы является характеристика журнальной периодики 1930-х гг. как источника по истории формирования детского пространства, выявление ее идеологической направленности и информационной наполненности.

Для достижения цели в работе были поставлены следующие **задачи**:

1. Выявить масштаб детской составляющей, ее динамику и статистику в информационном наполнении всех журналов изучаемого периода, определить журнальные издания, сыгравшие особую роль в построении советского детского городского пространства, организации жизни и досуга детей.
2. Ввести в научный оборот материалы отечественной журнальной периодики, характеризующие место ребенка и детских локусов в пространстве советского города 1930-х гг., определить степень их репрезентативности и информативности.
3. На основании анализа архитектурных журналов определить место детей в советских архитектурных концепциях начала 1930-х гг., охарактеризовать пространственную организацию детства в контексте формирующейся в середине 1930-х гг. новой культуры, проследить процесс наделения «советскостью» детского городского пространства в рассматриваемый период.
4. На основании анализа специальных ведомственных и педагогических журналов рассмотреть процесс наделения «детскостью» недетских городских объектов (магазинов, больниц, вокзалов, парков), в частности через становление детских игротек, игровых зон и их предметного наполнения как способа организации детской досуговой культуры в пространстве города.

Особенностью методологической основы диссертационной работы стала ее междисциплинарность, когда наряду с общенаучными (эмпирический, системный, методы анализа и синтеза) и специальными историческими (историко-генетический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический) методами применялись методы, подходы и понятия смежных дисциплин, в частности, заимствованные из социологии, культурологии и

журналистики. Такой подход существенно расширяет познавательный потенциал источниковедческого исследования. Так, для изучения роли периодических изданий в процессе конструирования образа детства была применена теория Р. Барта¹, учитывающая роль мифов в процессе создания прессой новых ценностей, стереотипов, образов. Подход к журналу как источнику с позиций выполняемых им в обществе функций потребовал применения синтетического метода теории управления и журналистики, предложенного Л.Д. Дергачевой².

Понятие городского пространства как системы пространств или локусов (ед. число – Locus), представляющее собой не только пространственное ограничение повседневного бытования горожан, но и структурирующее жизнь его жителя в соответствии с представлением и (или) состоянием общества, было рассмотрено с точки зрения концепции В.Д. Лелеко³. В.Д. Лелеко выделял в городе как единице повседневности физическое, визуальное и концептуальное пространство. Физическое детское пространство в советском городе ограничивалось системой детских локусов (т.е. город в целом и город как детское пространство были не идентичны друг другу). С точки зрения детей, город характеризовался процессами адаптации, узнавания и освоения новых пространств: от познания тела (corpus), через познание интимного мира квартиры (domus), к познанию публичных локусов (lokus) – пространств детского сада, детских площадок, школ, домов пионеров и т.д. Очевидно, что в этом случае освоение ребенком все более масштабных пространств происходило параллельно процессам обучения, воспитания и социализации, и имело целью освоение всего городского пространства целиком (микро-социума, коим является город).

Изменения, произошедшие в середине 1930-х гг. в советской истории и культуре, в том числе и архитектуре, были разительны и масштабны. Одной из теорий, объясняющей их, является теория В. Паперного⁴. Она основана на представлении о двух, сменяющих и отрицающих друг друга, периодах (моделях) советской культуры: Культуры Один (1917 – 1920-е гг.) и Культуры Два (начало 1930-х – 1954 гг.). Выходя за рамки истории архитектуры, автор пишет, в частности, о «демократичности» Культуры Один в целом, и о «тоталитарности» Культуры Два.

В диссертационном исследовании применялись также источниковедческие методы анализа. Первичная выборка журналов в качестве источников была осуществлена на основании методики, разработанной автором диссертации и впервые примененной в настоящем исследовании⁵. Эта методика

¹ Барт Р. Мифологии. М., 2000.

² Дергачева Л.Д. Источниковедческое исследование периодики и теория управления // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 1996. № 4. С.79–89.

³ Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002.

⁴ Паперный В. Культура Два. М., 2006.

⁵ См. § 1 гл. 1 диссертации, а также: Хамитова Ж.А. Методика отбора источников исследования с помощью «Летописи журнальных статей» (на примере темы советского детства 1930-х гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9. Ч. 1. С.191–194.

подразумевает изначальное фронтальное изучение «информационного» или «журнального» поля периодики с целью выявления изданий, так или иначе находящихся в дискурсном пространстве исследуемой темы. Для этой цели автором был произведен фронтальный просмотр и анализ советского справочного издания «Летопись журнальных статей» за 1929–1939 гг. Главным при выявлении журналов, участвующих в построении дискурса детства, было их контентное наполнение, тогда как цели и задачи издателя, а также аудитория журнала играли вторичную роль.

Последующая характеристика отобранных журналов осуществлялась на основании традиционной схемы, подразумевающей «внешнюю» и «внутреннюю» критику издания. Анализ отдельных текстовых единиц журнальных изданий (статей) основывался на теории и методике герменевтического прочтения текста, предложенной И.Р. Гальпериным¹, подразумевающей три вида информации в текстовом носителе: содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую.

Источниковую основу исследования составили, в первую очередь, периодические издания 1930-х гг. Анализ структуры и содержания «Летописи журнальных статей» позволил не только отобрать источники исследования по теме, но и выявить дискуссии и проблемы, разработать внутреннюю периодизацию в рамках изучаемого десятилетия, что позволяет включить саму «Летопись журнальных статей» в **перечень основных источников исследования**.

Привлеченные в исследовании журналы условно можно поделить на три группы. **Первую группу** составили советские «архитектурные» журналы, т.е. издания профессиональных сообществ, которые целенаправленно занимались преобразованием городского пространства: «Современная архитектура», «Архитектура СССР», «Строительство Москвы». Так как детская пространственная организация города была тесно связана с основными видами деятельности детей – обучением и игрой, журналы, содержание которых, так или иначе, отражало организацию публичных игровых и воспитательных зон, составили **вторую группу** источников исследования. К этой группе относятся журналы «Дошкольное воспитание», «Советская игрушка». Наиболее характерным для **третьей группы источников** – журналов, специально изданных для детей, является журнал «Пионер», ориентированный на пионеров и школьников (детей 8–13 лет). «Пионер» является источником с адаптированным для детского восприятия содержанием, на страницах которого также затрагивались вопросы организации нового города и быта, а также присутствовало детское видение этого процесса (в виде писем в редакцию и ответов на анкеты). Материалы первой, второй и третьей группы журналов составили основной массив источниковой базы исследования. Был произведен погодовой просмотр номеров изданий этих трех групп, дана их характеристика, произведен анализ статей и иллюстративного материала. В частности, были проанализированы выпуски журнала «Современная архитектура» (№1–6,

¹ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

1929–1930 гг.); «Архитектура СССР» (№1–6 – 1933 г., № 1–12 – 1934–1939 гг.), «Строительство Москвы» (№ 1–12 – 1929–1939 гг.), «Дошкольное воспитание» (№1–12 – 1929–1933 гг., № 1–6 – 1934–1939 гг.), «Советская игрушка» (№ 1–6 – 1935г., № 1–12 – 1936–1939 гг.), «Пионер» (№1–24 – 1929, 1932–1935 гг., №1–36 – 1930–1931 гг., №1–12 – 1936–1939 гг.).

В качестве дополнительных в диссертации были привлечены отдельные номера журналов: «Академия архитектуры» (1934–1937 гг.), «Власть советов» (1917–1938 гг.), «Вопросы материнства и младенчества» (1926–1941 гг.), «За политехническую школу» (1931–1934 гг.), «Молодая гвардия» (1922 г.), «На путях к новой школе» (1922–1933 гг.), «Народный учитель» (1924–1935 гг.), «Планировка и строительство городов» (1933–1935 гг.), «Под знаменем Марксизма» (1922–1944 гг.), «Профсоюзы СССР» (1938–1941 гг.), «Советская архитектура» (1931–1934 гг.), «Советский музей» (1931–1940 гг.), «Штурм» (1931–1935 гг.), а также газет «Правда» и «Известия ЦИК».

Всего в настоящем исследовании привлечено около 450 статей журналов и газет, более 400 из них относятся к журналам первой, второй и третьей групп. Подробной характеристике периодических изданий этих групп посвящен второй параграф первой главы данного исследования¹.

Вспомогательную и справочную роль в исследовании играли опубликованные сборники законодательных актов в сфере печати, школьного образования, городского строительства², а также материалы, приведенные в советских статистических сборниках³.

Степень изученности темы. Учитывая междисциплинарный характер исследования, автор диссертации предпринял следующую условную классификацию его историографической основы:

1) Работы, посвященные периодической печати. В советской отечественной историографии источниковедческие проблемы прессы (вне советского исторического контекста, но с советским ракурсом взгляда на проблему) освещены в ряде научных статей⁴. Среди работ советского периода особый интерес представляет статья А.Н. Алексеева⁵, раскрывающая системный подход французского ученого Ж. Кайзера к изучению прессы и ее связи с обществом.

¹ См. § 2 гл. 1 диссертации.

² Печать в СССР (1934). М., 1934; Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М., 1974; История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997 и др.

³ Социалистическое строительство СССР (Статистический ежегодник). 1934. М., 1934; Культурное строительство СССР в цифрах от VI к VII съезду Советов (1930–1934 гг.). М., 1935; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.). (Статистический сборник). М., Л., 1939 и др.

⁴ Дмитриев С.С. Источниковедение русской исторической журналистики (Постановка темы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории. М., 1976. С. 272–305; Есин Б.И. О методике историко-журналистских исследований // Методика изучения периодических печати. Сб. статей. М., 1977. С. 4–10; Кан А.С. Газета как источник по истории международных отношений (на примере шведского официоза за первую половину 1941 года) // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 466–277.

⁵ Алексеев А.Н. Метод Жака Кайзера. (Из опыта исследования французской ежедневной прессы) // Проблемы современной зарубежной печати. Сб. статей. Л., 1969. С. 56–77.

В постсоветское время вышли работы, переосмысливающие значение прессы как источника с учетом современных подходов к изучению периодической печати. Среди них следует особо выделить статьи А.Г. Голикова¹ и Л.Д. Дергачевой².

В отечественной историографии сложилось так, что изучением видовых особенностей газет и журналов, классификацией их жанров и осмыслением исторического контекста периодики больше занималась журналистика³. В последнее десятилетие, учитывая современный уровень развития отечественного информационного рынка, а также издание ряда зарубежных и российских концептуальных трудов⁴, в теории журналистики появились работы, акцентирующие особое внимание на предвзятость прессы, способность ее к манипуляции, признающие ее двойственную природу, предполагающую одновременное сообщение о факте и составление мнения о нем. Подобная оценка роли периодической печати отражена и в современных учебных пособиях по источниковедению отечественной истории и истории журналистики⁵.

Интерес представляют также современные работы по истории журналистики, «вписывающие» периодическую печать в советский контекст, и публикации, посвященные истории цензуры в СССР: это работы А.В. Блюма, Б.И. Есина и И.В. Кузнецова, Г.В. Жиркова, Р.П. Овсепяна⁶.

2) Работы, посвященные изучению истории советского детства. В советский период проблемы истории детства как таковые разрабатывались крайне недостаточно⁷. В постсоветский период среди видных исследователей проблем

¹ Голиков А.Г. Российские монополии в зеркале прессы: (Газеты как источник по истории монополизации промышленности). М., 1991; Он же. Комплексное источниковедение с позиций учения об информации (по материалам периодической печати) // Проблемы методологии и источниковедения. Материалы III Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2006. С. 217–228 и др.

² Дергачева Л.Д. Источниковедческое исследование периодики и теория управления // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 1996. № 4. С.79–89; Она же. Очерки источниковедения отечественной периодической печати 18–20 вв. М., 2012.

³ Проблемы газетных жанров. Л., 1962; Проблемы жанров в журналистике. Л., 1968; Пельт В.Д. Дифференциация жанров газетной публицистики. М., 1984 и др.

⁴ Багдикян Б. Монополия средств информации. М., 1987; Кин Д. Средства массовой информации и демократии. М., 1994; Пресса России: проблемы и перспективы развития. М., 2000; Кара–Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2008; Барт Р. Мифологии. М., 2010.

⁵ Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. М., 2000; Тertychnyy A.A. Жанры периодической печати. М., 2000; Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004.; Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX в. М., 2004; Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики. Февраль 1917г. – начало XXI в. М., 2005.

⁶ Блюм А. Советская цензура в эпоху тотального террора: 1929 –1953. СПб., 2000; Есин Б.И., Кузнецов И.В. Триста лет отечественной журналистики (1702–2002). М., 2002; Жирков Г.В. История цензуры в России XIX –XX вв. М., 2001; Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики. Февраль 1917г. – начало XXI в. М., 2005.

⁷ См. об этом, например: Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 20–33; Зеленина Г. От скудности эмоций к скудности источников: полувековой путь детских исследований // Теория моды. Одежда.

детства следует выделить А.А. Сальникову. В своих работах она активно исследует как детские вербальные тексты, так и вещно-предметный мир ребенка как невербальный текст, т.к. ребенок в принципе «малоразговорчив» и слабо «саморепрезентируем» письменно по причине своего возраста¹. Одним из крупнейших отечественных специалистов в области истории и культуры детства является В.Г. Безрогов².

Большинство работ в этой сфере фокусируются на изучении процесса формирования советского детства в 1920-х – 1930-х гг. «сверху» и наделения детей «советскостью». Приоритет этого направления, конечно же, определен тем значением, которое власть придавала воспитанию нового человека в этот период. Среди этих исследований можно выделить работы Ю.Г. Саловой³. Изучению детского пространства, сконструированного «сверху», в частности таких значимых для детей (а потому – и для государства) пространств, как школы и игротеки, посвящены работы Е.А. Ефимовой и В.В. Смирнова⁴. В статье Н. Черняевой прослежен процесс «медикализации» детства 1930-х гг. как способ установления авторитета медицинских и госучреждений (наравне с

Тело. Культура. Лето (№18). 2008. С. 25–28; Безрогов В., Кошелова О. Детство и дети. Начальная библиография // Там же. С. 37–48 и др.

¹ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007; Она же. Школьные сочинения детей русской эмиграции как источник по социальной истории России, 1917–1920 гг. // Социальная история: Ежегодник, 2001/2002. М., 2004. С. 324–352; Она же. «Детский» текст и детская память в «эпоху катастроф» // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 413–430; Она же. «Детское письмо» как опыт, как факт и как знание // Адам & Ева: Альманах гендерной истории. 2008. № 15. С.266–290; Она же. Безглазая кукла и папин револьвер: ребенок в вещно–предметном мире раннесоветской эпохи // Теория моды: одежда, тело, культура. 2008. Лето (№8). С. 119–139; Она же. «Детское письмо» и его специфика // Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации: Сборник статей и сообщения. Казань, 2011. С.116–123.

² Память детства. Западноевропейские воспоминания о детстве эпохи рационализма и просвещения (XVII-XVIII вв.) / Безрогов В.Г. и др. М., 2001; Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. / Безрогов В.Г. и др. М., 2001; Образовательные системы Востока и Запада в эпоху Древности и Средневековья (от глиняной таблички – к университету) / Безрогов В.Г. и др. М., 2003; Безрогов В.Г. Детство и дети в Европе и Америке XVI-XVIII веков: Новые зарубежные исследования // Человек. М., 2007. № 4. С. 183–189; Безрогов. В.Г., Макаревич В.Г., Иванченко Г.В. Образ ребенка в учебнике для начальной школы / // Отечественные записки. М., 2008. № 1. Т. 40. С. 235–245 Безрогов В.Г. Традиции ученичества и институт школы в древних цивилизациях. М., 2008 и др.

³ Салова Ю.Г. Детский досуг в Советской России (1920-е годы). Ярославль, 2000; Она же Ю.Г. Формирование образа В.И. Ленина в сознании советских детей в 1920-е гг. // Век нынешний, век минувший. Вып.2. Ярославль, 2000. С. 50–69; Она же. Политическое воспитание детей в Советской России в 1920 гг. Ярославль, 2001; Она же Игровое пространство советского ребенка–дошкольника в 1920-е годы // Какорея: из истории детства в России и других странах. М.; Тверь, 2008. С. 114–123.

⁴ Ефимова Е.А. Социально-педагогический потенциал игротеки (исторический очерк по материалам прессы) // Игротека: история и перспективы развития. М., 2006. С. 31–46; Смирнов В.В. Петербургские школы и школьные здания: История школьного строительства в Санкт –Петербурге – Петрограде – Ленинграде: 1703–2003 гг. СПб., 2003.

педагогическими практиками) в процессе воспитания ребенка¹. Особо стоит отметить статью С.В. Журавлева и А.К. Соколова «Счастливое детство»², посвященную «вписыванию» детей в общеполитический контекст первых двух десятилетий советской власти, где авторами используются «детские источники», красноречиво свидетельствующие о фактическом состоянии детей в 1920–1930-е гг.

Нельзя не отметить и возросшего интереса к детским исследованиям в последнее время, который выражается в увеличении числа конференций по этой теме и выпущенных по их итогам сборниках статей. В том числе это труды постоянно действующего семинара «Культура детства: Нормы, ценности, практики»³.

Изначально тема советского детства больше разрабатывалась в зарубежной историографии⁴. Среди зарубежных исследователей, учитывающих политический, идеологический и экономический контексты советского детства, особо следует отметить исследования К. Келли⁵.

3) Исследования, посвященные развитию советской архитектуры. В отличие от истории советского детства, советская архитектура активно изучалась отечественными историками культуры и архитектуры в советский период. Однако в работах советских исследователей, а также в учебниках по истории и теории культуры и архитектуры, сложился несколько однобокий, предвзятый образ советского авангарда как неправильного, ошибочного стилевого направления, но вполне оправдываемого трудным периодом в истории советского государства, и такой же предвзятый образ «сталинской» неоклассики как единственно подобающей величию советского народа⁶.

¹ Черняева Н. «Что должна знать работница-мать о беременности, родах и уходе за ребенком»: медиализация детства в советской культуре 1930-х гг. // Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации: Сборник статей и сообщений. Казань, 2011. С. 50–55.

² Журавлев С.В., Соколов А.К. «Счастливое детство» // Социальная история: Ежегодник 1997. М., 1998. С. 159–202.

³ Городок в табакерке (Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): Антология текстов. М., Тверь, 2008. В 2-х кн.; Какорея. Из истории детства в России и других странах: сборник статей и материалов. Тверь, 2010; Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации: Сборник статей и сообщений. Казань, 2011.

⁴ Об этом см. подробнее: Сальникова А.А. Российское детство в XX веке. С. 46–63; Безрогов В., Кошелева О. Детство и дети. С. 49–60 и др.

⁵ Келли К. «Маленькие граждане большой страны»: Интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. С. 218–251; Она же. «Хочу быть трактористкой!»: (гендер и детство в довоенной советской России) // Социальная история: Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. М., 2003. С. 385–410; Она же. «Папа едет в командировку»: репрезентация общественных и личных ценностей в советских букварях и книгах для чтения // Учебный текст в советской школе: Сборник статей. СПб., М., 2008. С. 154–179; Она же. Товарищ Павлик: Взлет и падение советского мальчика-героя. М., 2009; Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. New Haven, 2007.

⁶ Посохин М.В. Советская архитектура за 50 лет. М., 1968; Сергеева Г.В. История советской архитектуры (1917–1932 гг.). М., 1981; Заварихин С.П. Советская Архитектура, 1917 – середина 1950-х гг. Л., 1984; Бочаров Ю., Гуляницкий Н. Архитектура СССР 1917–1987 гг.

Особняком среди исследований советской архитектуры, написанных в советский период, стоит книга В. Паперного «Культура Два», впервые опубликованная в США в 1985 году¹. Эта работа входит в состав методологической основы данного диссертационного исследования.

Постсоветская историография представлена, в частности, такими фундаментальными работами, как «Архитектура XX века. Утопии и реальность»², «Архитектура советского авангарда. Проблемы формообразования»³, «Архитектура советского авангарда. Мастера и течения»⁴. Среди недавних работ в области архитектуры стоит отметить также статьи А.Ю. Михайлова и М.М. Искандерова⁵, работы Д. Хмельницкого⁶. В своем исследовании «Зодчий Сталин» Д. Хмельницкий рассматривает становление советской архитектуры в середине 1930-х гг. в контексте тоталитарной политической системы, где, по мнению автора, иерархия была выстроена таким образом, что позволяла лично И.В. Сталину руководить проектными работами⁷.

Помимо концептуальных работ, в настоящее время есть работы в области истории архитектуры отдельных структурных элементов советского города, таких, как торговые центры (работы П.П. Зуевой и И.В. Шишкиной⁸), клубы (работа В. Хазановой⁹). Проблему градостроительства и жилищной политики советского периода поднимает в своих работах М.Г. Меерович¹⁰.

Актуальность темы архитектуры «сталинского периода» отражают вышедшие в последнее время сборники¹¹. Среди опубликованных там статей

М., 1987; Курбатов В.В. Советская архитектура. М., 1988; Янко Д.Г. Искусство, рожденное Октябрем: к 70-летию ленинского плана монументальной пропаганды. Киев, 1988; Алленов М.М. История русского и советского искусства. М., 1989 и др.

¹ Паперный В. Культура Два. М., 2006.

² Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. В 2 кн. М., 2001.

³ Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Проблемы формообразования. – М., 1996.

⁴ Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Мастера и течения. М., 1996.

⁵ Михайлов А.Ю., Искандеров М.М. Феномен «Сталинки»: Методология исследования // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. Казань, 2010. № 2 (4). С. 14–19; Они же. Национальная версия советского неоклассицизма в Казани: проблемы формулирования национальной архитектуры в СССР в 1920–1950-е годы // Культура и Искусство. М., 2012. № 6. С. 94–101; Они же. Дворец Культуры – главный нереализованный проект генерального плана «большой Казани» (1930-е гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 2 (Ч. 2). С. 72–77.

⁶ Хмельницкий Д. Зодчий Сталин. М., 2007; Он же. Архитектура Сталина: психология и стиль. М., 2007.

⁷ Хмельницкий Д. Зодчий Сталин. С. 5.

⁸ Зуева П.П., Шишкина И.В. Торговые здания Москвы советского периода. 1920–1980 гг. М., 2006.

⁹ Хазанова В. Э. Клубная жизнь и архитектура клуба, 1917–1941 гг. М., 2000.

¹⁰ Меерович М.Г. Рождение и смерть жилищной кооперации: Жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. Иркутск, 2004; Он же. Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР, 1926–1932 гг. Иркутск, 2008; Он же. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР, 1928–1932 гг. Москва, 2011.

¹¹ Вопросы теории архитектуры: Архитектура и культура России в XXI веке / под ред. И.А. Азизян. М., 2009; Советское градостроительство 1920–1930-х годов: Новые исследования и

стоит отметить работы И.В. Белинцева¹, А.Н. Селивановой,² Г.Н. Яковлевой³.

Среди недавних зарубежных работ в области истории советской архитектуры следует выделяется работа А. Латура «Рождение метрополии (Москва 1930–1955 гг.)»⁴.

4) Работы, посвященные городской повседневности. Город как структурно пространственное мерило повседневности нашел свое отражение в ряде концептуальных работ А.И. Куляпина⁵, В.Д. Лелеко⁶, В.В. Федорова и М.Х. Килясханова⁷. Истории городской повседневности посвящены, в частности, работы О.Л. Лейбовича⁸, исследования В.П. Рыженко,⁹ монография «Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX–XX веках»¹⁰.

Изучению повседневной истории города посвящен ряд конференций и сборников статей¹¹.

Визуальное оформление города и вещевое наполнение быта – еще одна сторона повседневности. Среди работ в этой области стоит отметить исследование Майка О'Махоуни «Спорт в СССР: физическая культура – визуальная культура»¹². В ней автор прослеживает явные параллели визуальной культуры спорта и советской культуры в целом. Так же как спорт являлся частью советской культуры и своей визуализацией (в виде иллюстраций, плакатов, картин и фотографий) выражал ценности и эстетику этой культуры, так и елочная игрушка, совершенно декоративная, как казалось, вещь,

материалы / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М., 2010.; Архитектура сталинской эпохи: опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. Москва, 2010.

¹ Белинцева И.В. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1930-х гг. – первые замыслы // Архитектура сталинской эпохи: опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. Москва, 2010. С. 162–173.

² Селиванова А.Н. Особенности «постконструктивизма» 1932–1937 гг. на примере жилых ведомственных домов // Архитектура сталинской эпохи: опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. Москва, 2010. С. 112–119.

³ Яковлева Г.Н. Три проекта перепланировки Москвы (1918–1925 гг.) // Советское градостроительство 1920–1930-х годов: Новые исследования и материалы / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М., 2010. С. 44–70; Она же. Парки в структуре Москвы 1930-х гг. // Советское градостроительство 1920–1930-х годов: Новые исследования и материалы / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М., 2010. С. 71–87.

⁴ Латур А. Рождение метрополии (Москва 1930–1955 гг.). М, 2005.

⁵ Куляпин А.И. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М., 2013.

⁶ Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002.

⁷ Федоров В.В. Килясханов М.Х. Пространства социального бытия. Тверь, 2010.

⁸ Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М., 2008.

⁹ Рыженко В.П. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект): монография. Омск, 2010.

¹⁰ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX – XX веках. Казань, 2008.

¹¹ Повседневность российской провинции: история, язык и пространство. Казань, 2002; Видимые города: визуальные практики современного города. Екатеринбург, 2012.

¹² О'Махоуни М. Спорт в СССР. М., 2010.

содержала в себе мощный идеологический контекст, который менялся вместе в приоритетами государства на всем протяжении советской истории. Работа А.А. Сальниковой «История елочной игрушки» стала актуальным примером методологии изучения предметного мира, его визуальных, контекстных и текстовых составляющих¹.

Обзор имеющейся литературы показал, что, несмотря на наличие стабильного интереса исследователей к истории советского детства, архитектуры, городской повседневности, нет исследования, которое бы соединило в себе эти направления. Между тем, такой подход является, как представляется, весьма результативным в плане изучения истории советского детства 1930-х гг., тем более на основе столь недостаточно изученного источника как советская специальная журнальная периодика.

Научная и практическая значимость работы заключается, прежде всего, в разработке методики отбора и классификации периодических изданий как источников исторического исследования, которая может быть применима при изучении других тем и проблем истории советского периода, хронологически совпадающих с выходом «Летописи журнальных статей», т.е. с 1926 по 1987 гг. В настоящей работе была дана характеристика советских периодических изданий с учетом последних, в том числе междисциплинарных, подходов в этой области. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях по истории советского детства, советского города, советской периодической печати 1930-х гг., для написания учебных пособий по источниковедению и отечественной истории XX в. для школ и вузов, при разработке курсов лекций по источниковедению, журналистике, социологии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ конъюнктуры журнального поля 1930-х гг. с помощью «Летописи журнальных статей», изучение изменения количества журналов и их информационного наполнения в зависимости от конкретно-исторических условий изучаемого периода, является эффективным способом их отбора для дальнейшего изучения в рамках обозначенной темы. Изучение совокупности печатных изданий с помощью предлагаемой методики выявляет структурные связи советской системы печатных СМИ, а также сложность, динамичность и значимость взаимоотношений составных частей этой структуры, в том числе для их анализа в качестве исторического источника.

2. Архитектурные журналы (журналы профессиональных архитектурных сообществ) рассматривали задачи становления детского городского пространства как решение, спущенное «сверху», как совокупность проектных задач (спроектировать ясли, школы, лагеря, больницы). На страницах этих журналов отсутствуют свидетельства, говорящие о проектном развитии городского детского пространства в какой-то временной протяженности: материалы о детских учреждениях до 1935 г. отрывисты и поверхностны. В 1935–1936 гг. архитекторы получили четко сформулированный заказ массового проектирования детских учреждений: от выделения им места в структуре

¹ Сальникова А.А. История елочной игрушки. М., 2011.

города («лучшие места»), их вписывания в общую архитектурную концепцию эпохи (так называемых сталинский неоклассицизм), до нахождения эстетического (архитектурного) выражения концепта «счастливого советского детства».

3. Педагогические («Дошкольное воспитание») и ведомственные («Советская игрушка») журналы 1930-х гг. репрезентировали городское детское пространство с точки зрения его воспитательного наполнения, определяемого официальным дискурсом второй половины 1930-х гг. Помимо пропагандистских (популяризаторских) целей, этот дискурс всегда преследовал цели воспитательные и социализирующие, причем направленные как на детей, так и на взрослых через внедряемые в их сознание ценностные установки. Эти установки закладывались, в том числе, через новую детскую игрушку и новое игровое пространство.

4. Игрушка как невербальный текст, наиболее «читабельный» для ребенка и любимый детьми, был своеобразным аналогом массовых властных вербальных текстов для взрослых, например, прессы. Для более полного и качественного эффекта от использования новой игрушки были введены игротеки и прочие внеклассные формы детского досуга. Роль педагога при игротеках и игровых комнатах можно сравнить с ролью учителя, поскольку она заключалась в объяснении содержания и правильной трактовке текстов (игрушек/газет).

5. Значение игрушки и игры можно назвать ключевым в преобразовании городского пространства середины 1930-х гг. Во-первых, игра и игрушка содержали в себе сильный воспитательный концепт (ценностный). Во-вторых, являли собой мощный популяризаторский посыл («наши дети самые счастливые» – у них есть изобилие игрушек и возможность ими играть практически в любом учреждении города), в-третьих – именно игровой элемент позволил быстро преобразовать городское пространство через создание детских парков, игротек, игровых комнат при различных учреждениях.

6. Становление нового детского пространства социалистического города проходило как на физическом (создание сети детских локусов), так и на визуально-концептуальном уровне. Помимо организующей функции архитектуры, структурирующей детскую жизнь так, как её себе представляло государство (обучение, дополнительное обучение, спорт, кружки, игра), архитектура выполняла задачу нахождения и внедрения в общественное сознание единых, стереотипных эстетических визуальных «кодов» – образов, которые также должны были способствовать заложению смыслов и ценностей в детях (взрослых), визуальных кодов, генетически связанных с игрушками, игровым пространством и новой эстетикой Культуры Два.

Апробация исследования. Основные положения диссертации были доложены и обсуждены на ряде международных (Казань, ноябрь 2010 и ноябрь 2012 г.; Екатеринбург, март 2012 г.) и всероссийских конференций (Екатеринбург, ноябрь 2012 г.), а также изложены в 7 статьях (3 из них опубликованы в журналах, входящих в перечень ВАК РФ).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность темы, дается общая характеристика степени ее изученности, определяются объект, предмет, территориальные и хронологические рамки работы, раскрывается научная новизна и практическая значимость исследования, охарактеризована его методологическая и источниковая основа.

Первая глава «Советские журналы 1930-х гг. о детях и детстве в СССР» посвящена выявлению наиболее репрезентативных для изучения истории советского детства и его пространственной организации журналов, а также их характеристике.

Первый параграф «Отбор и классификация источников исследования» освещает авторскую методику отбора источников. Пресса представляется многокомпонентной и сложной структурой. Ее составной единицей является издание (журнал или газета), которое, в свою очередь, наполняет разнообразный, разноплановый контент (статьи, письма, заметки и пр.). Вся структура СМИ держится на одной общей абстрактной задаче передачи информации. В самой структуре периодической печати можно выделить следующие уровни (или формы) ее передачи:

«текстовый» – уровень, который чаще всего анализируется историками и которому обычно придается максимальное значение; «внутрижурнальный, или контентный» – уровень отдельных статей и их взаимного внутрижурнального соотношения; «межжурнальный горизонтальный, или дискуссионный» – уровень, который выявляет отношения отдельных статей разных журналов, обычно в виде дискуссий на страницах различных изданий (статьи этого уровня можно объединить по проблемному признаку, отодвигая на второй план признак принадлежности к тому или иному изданию); «межжурнальный вертикальный» – уровень, основанный на принципе, который учитывает зависимость качества материала (информации) от степени охвата аудитории; «супержурнальный» – уровень тематического кластера периодических изданий, объединенный темой (самый широкий и всеохватывающий).

Примененная методика работы с «Летописью» подразумевает, во-первых, разграничение и формулирование круга исследуемых проблем и тем. Так, сложная многокомпонентная проблема советского детства представлена совокупностью следующих тем (собственно, разделами «Летописи»): «Архитектура», «Народное образование» (подразделами: дошкольное, дошкольное, школьное, внешкольное образование), «Пионеры», «Детская психология», «Педология», «Советский быт и семья».

Следующим исследовательским этапом явился анализ изменения структуры «Летописи» в рассматриваемый период относительно заданных тем (разделов) и изменений, происходивших в этой связи на «супержурнальном уровне». Изменение в разделах (усложнение, упрощение, упразднение или появление) являлось следствием процессов, происходивших в системе СМИ, а значит и в самом государстве, учитывая их неразрывную связь.

Затем был произведен погодовой сравнительно-количественный анализ статей по обозначенным темам на протяжении 1930-х гг. На тематическом уровне (с привязкой к структуре «Летописи») были отслежены и отобраны дискуссии и обсуждения, связанные с темой советского детства и его пространственного выражения. И, наконец, был произведен отбор наиболее репрезентативных и информационно-насыщенных журналов для дальнейшей их характеристики. Затем была проведена верификация журналов как исторического источника по следующим признакам:

- Содержание в журналах достаточного количества статей по нужной теме, что позволило определить предварительный круг исследуемых журналов.
- Содержание в журналах–кандидатах на роль источника исследования определенного количества дискуссий по выбранной теме, что позволило не пропустить важное событие (обсуждение), а также ввести в исследовательский оборот журнал–оппонент.
- Наличие в выбранных журналах достаточного количества тематических статей с содержанием нужного типа. Содержание было поделено на: информационное (новостное); агитационное (политтехнологические и агитационные статьи); методологическо-теоретическое (конкретные разработки по теме); критическое (отрицание, критика, развенчание чего-либо). В данном случае, предложенная классификация учитывала особенности советской прессы 1930-х гг. и не совпадала с классической жанровой классификацией содержания периодики, принятой в отечественной журналистике и источниковедении, где принято делить весь контент продолжающегося изданий на «жанровые родовые группы»: информационные, аналитические, художественно-публицистические.
- При отборе источников исследования было учтено место журналов в системе СМИ относительно аудитории (его классификация по «межжурнальному вертикальному» принципу).
- Были оценены место и роль журналов на «супержурнальном» уровне относительно других журналов тематического кластера, их тематическая заменяемость другими журналами, а также «покрытие» журналов изучаемого периода. Если какой-либо журнал «не покрывал» весь изучаемый период, тогда выявлялось наличие или отсутствие «журнала–заменителя».

Во втором параграфе «Характеристика источников исследования» обосновывается выбор в качестве источников исследования определенной совокупности профессиональных и отраслевых журналов («Современная архитектура», «Архитектура СССР», «Строительство Москвы», «Дошкольное воспитание», «Советская игрушка», «Пионер»). Среди прочих журналов, выявленных по описанной ранее методике, перечисленные журналы отличались тем, что совокупность их материала охватывала все три выделенных по итогам анализа структуры «Летописи» периода внутри изучаемого десятилетия.

1. (1929–1934 гг.) – период теоретической и экспериментальной педагогики, строительства политехнической школы и политехнизма в дошкольных

учреждениях. В теме «быта» активно дискутируются вопросы о «раскрепощении женщины», ее равенства в труде и «домашних обязанностях», происходит дискуссия о социалистическом расселении.

2.(1935–1936 гг.) – период фактического школьного и дошкольного строительства, снабжения их всем необходимым. Кроме того, 1935–1936 гг. – это время зарождения и фиксации концепта «счастливое детство», что, по мнению власти, должно было проявиться в том числе в массовости и доступности игрушки (продажа и прокат новой советской игрушки).

3.(1937–1939 гг.) – период дальнейшего развития концепта «счастливого детства», выраженного в массовом строительстве и организации как детских обучающих и воспитательных учреждений, так и внешкольных, чаще игровых и досуговых детских учреждений.

Характеристика отобранных журналов предполагает выявление степени их информативности по истории формирования советского детского городского пространства и их идейной направленности. Архитектурные журналы «Современная архитектура», «Строительство Москвы», «Архитектура СССР» освещали проблему преобразования детского пространства крайне неравномерно. Несмотря на высокую дискуссионную активность на страницах строительных и архитектурных журналов конца 1920-х – начала 1930-х гг., проблема преобразования детского пространства была «побочной», прикладной на фоне задач строительства новых социалистических городов и преобразования быта. Репрезентация проблемы преобразования детского пространства социалистического города на страницах журнала «Пионер» полностью воспроизводила подход «взрослых журналов».

С 1935 г. произошло резкое изменение информационного наполнения и идеологической направленности архитектурных журналов. Резко увеличилось количество материалов (статей) о строительстве детских учреждений и преобразовании детских локусов. Изменилось их расположение относительно других материалов. Так, в журнале «Архитектура СССР» появился раздел «Школьное строительство», а в 1936 г. редакции журналов «Строительство Москвы» и «Архитектура СССР» выпустили тематические номера, почти полностью посвященные архитектуре детских пространств. В текстовом наполнении журналов появилась большая доля цитат, прямо отображавших отношение власти к детям и детству (концепт «счастливое детство»). Большую часть этого эмоционального, идеологически правильного текста сопровождали (фото-) иллюстрации, изображавшие счастливых советских детей. После 1938 г. общая доля материала, посвященного детским городским пространствам, значительно уменьшилась.

Содержание педагогического журнала «Дошкольное воспитание» отражает изменение отношения государства к ребенку на протяжении 1930-х гг. До 1934 г. журнал активно поднимал и обсуждал проблемы детского городского пространства. На своих страницах издание регулярно публиковало пространственные и обстоятельные материалы обо всём разнообразии общественных форм организации досуга и воспитания детей, неизбежно протекавших в публичных пространствах города, т.е. вне стен квартиры (комнаты при вокзалах, очаги, детские уголки в клубах, «примитивы», детские площадки в

скверах и на бульварах), что делает этот журнал ценнейшим источником для данного исследования. После 1933 г. издание меняет свое содержание. С 1934 г. журнал выходит в виде методических сборников (6 раз в год) и практически перестает публиковать материалы о детском городском пространстве, концентрируясь на материалах методического характера.

С 1935 г. начинает издаваться богато иллюстрированный ведомственный журнал Комитета по игрушке при Наркомпросе РСФСР «Советская игрушка». Авторы этого журнала – педагоги, методисты, художники – по сути продолжили развитие более ранних идей относительно роли и места игрушки в новых исторических условиях. Осознанное на протяжении предыдущих лет советской власти значение детской игрушки было полностью принято сталинской культурой, но при этом пересматривались конструируемые новой игрушкой ценности. Журнал с успехом выполнил поставленную перед ним задачу за четыре года выпуска, после чего прекратил свое существование. Материалы журнала «Советская игрушка» свидетельствуют о важности и значимости новой советской игрушки в деле преобразования городского пространства социалистического города второй половины 1930-х гг.

В целом, изменение идейной направленности, содержания и оформления текстов журналов в это время говорит о масштабных процессах, сопутствующих становлению новой культуры, в которых пресса играла не последнюю роль.

Во второй главе «Пространственная организация советского детства на страницах советской журнальной периодики 1930-х гг.» прослеживается динамика развития детского пространства как в связи с изменением социалистического города в целом, так и в связи с изменением официального дискурса детства.

В первом параграфе «Изменение детского городского пространства в 1930-е гг.» рассмотрено формирование собственно детского пространства социалистического города. Начало десятилетия характеризуется низкой строительной, но высокой дискурсивной активностью на страницах журналов. В частности, в журналах «Современная архитектура» и «Пионер» обсуждалось будущее социалистического города и его жителей. Совокупность проектов и предложений архитекторов относительно детского пространства объединяло следующее: во-первых, детское пространство должно было быть отделено от взрослого как фактор бытового закабаления женщины. Во-вторых, детское пространство в черте городе должно было быть максимально окружено зеленью парков и скверов. В-третьих, воспитание и уход за детьми должен был осуществляться обученными людьми в специальных заведениях и сопровождаться политехническим обучением.

На практике задача массового охвата дошкольников «коллективным воспитанием» и одновременно недостаточность средств на ее реализацию, в начале 1930-х гг. привело к тому, что в жизнь воплощались стихийные «временные» формы детских учреждений, такие, как «детские комнаты», «дежурные избы», «примитивы», «очаги», площадки, «детские уголки при клубе» и т.д. В условиях ограниченного финансирования проще всего было

организовать педагогическую работу на свежем воздухе: в сквере, во дворе, в саду.

Наиболее разработанным было строительство школ. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. разрабатывались новые типы школьных зданий, приспособленные под актуальные педагогические методы работы с детьми. Происходило постоянное увеличение размера и вместимости школ, что было связано с переходом на лабораторно-бригадный метод обучения и существовавшим в то время убеждением об экономической целесообразности «больших комбинатов». Однако вскоре стали очевидны сложности и недостатки такого типа школ, в частности, невозможность найти в структуре старого города огромную площадь под строительство и непригодность таких школ в связи с отменой лабораторно-бригадного метода в августе 1932 г. Веденный в 1933 г. классный метод с прикреплением групп к определенному классу повлек разукрупнение типовых школ. В 1934–1935 гг. была раскритикована эстетика школьных зданий конца 1920-х – начала 1930-х гг. Утверждающаяся в 1934–1935 гг. Культура Два требовала новых архитектурных форм.

Общую градостроительную концепцию с 1935 г. регулировал генеральный план реконструкции Москвы, хотя план этот не включал развернутого проекта строительства сети детских учреждений. Четкие установки о строительстве образовательных и воспитательных детских учреждений, таких, как ясли, сады и школы, сложились не одномоментно, с появлением Генплана, а в течение 1935–1936 гг. – после постановления правительства 1935 г. (о школьном строительстве) и 1936 г. (о запрещении аборт и о развертывании сети детских учреждений).

Активное строительство и реконструкция детских учреждений, осуществленные в 1936 г., параллельно с «выстраиванием» дискурса «счастливого детства» в прессе, позволили архитекторам в 1937 г. отчитаться о «полномасштабной, поистине сталинской заботе о детях», заложенной, якобы, еще в генплане 1935 г., хотя произошедшие изменения с генпланом были связаны не фактически и генетически, а скорее идеологически.

Сеть детских локусов и пространств была объединена в единую систему, наделяемую «советскостью» – пространственно-визуальными атрибутами новой Культуры Два, как и все пространство советского социалистического города в целом. Визуальное и концептуальное наполнение этих пространств соответствовало общему концепту Культуры Два, но было дополнено важной составляющей детской жизни – игрой и игрушкой.

Во втором параграфе «Советская игрушка 1930-х гг. и публичное игровое пространство советских детей» рассматривается становление советской игрушки, раскрывается значение игрушки в деле преобразования социалистического города.

Игрушки и игровые практики конца 1920-х – начала 1930-х гг., ориентировались на возросший авторитет школы и пионерской организации, а также процессов, которые в них происходили. В школе и дошкольных учреждениях в то время шла активная политехнизация, включавшая труд и подготовку к труду на производстве в регулярную педагогическую практику.

Политехнизация затрагивала даже дошкольников, как в виде пропаганды труда (плакаты, праздники), так и посредством игр и игрушек. Поэтому педагогическая общественность со страниц журнала «Дошкольное воспитание» требовала новую «политехническую игрушку» – «полуфабрикат», понимая под ней игрушку, стимулирующую детскую изобретательность и творческую выдумку.

В середине 1930-х гг. произошел пересмотр ассортимента игрушек, в том числе по критериям ценностного наполнения. Новые ценности могли быть личностными, такими, как здоровье, смекалка, жизнерадостность. Кроме этого, приветствовалось вложение в игрушку ценностей коллективных, таких, как труд (коллективный труд), Родина (общая для всех), патриотизм (чувство, которое должно объединять всех жителей страны), культурный быт и досуг (с правильным балансом индивидуальности и коллективности). И, наконец, ценность представляло само понятие коллективности. Коллективность как ценностная ориентировка была, как правило, уже заложена в структуре детской игры. Важной также была общая коллективная организация детского игрового досуга, которая широко освещалась на страницах «Советской игрушки». Одним из способов его организации была игротека. Игротеки не только помогли становлению новой советской игрушки через апробацию ее образцов, но стали знаковыми пространственно-концептуальными центрами детского городского пространства.

Игротека и ее разновидности, быстро показавшие свою эффективность, во второй половине 1930-х гг. вводились в детское пространство обучающего (школы, библиотеки) и воспитательного плана (детские сады). Появился «игровой элемент» также в структуре изначально «недетских» пространств, таких, как больницы, магазины, вокзалы, что способствовало их включению в систему детских городских локусов.

Таким образом, во второй половине 1930-х гг. новая советская игрушка окружала ребенка дома, в детсаду, школе, во дворе, библиотеке, клубе, больнице, парке, т.е. практически во всех местах, где он присутствовал или мог присутствовать. И это было не только выражением «сталинской любви к детям». Игрушка как наиболее близкий ребенку предмет, а потому важнейший инструмент пропаганды и воспитания, была спроектирована с учетом важнейших советских ценностей и установок. Для достижения массовости и идеологического соответствия в кратчайший срок была реструктуризирована целая экономическая отрасль – отрасль производства игрушки. Чтобы максимально приблизить к ребенку игрушку, она широко популяризировалась через рекламу, магазины и через игротеки. Но в игротеках, помимо изобилия игрушек, предполагался еще и педагог (или методист), который мог «правильно направить игру». К тому же игротека как структурный элемент в процессе конструирования государственного дискурса воздействовала на ребенка комплексно – через игрушку, игровой процесс, беседу с ним, а в некоторых случаях через праздник, через тематические вечера и т.п.

В заключении сформулированы основные выводы исследования.

В ходе анализа конъюнктуры журнального поля (с помощью применяемой методики «Летописи журнальных статей») были отобраны внешне не связанные

тематически и хронологически журналы, которые в ходе последующего изучения выявили скрытые историко-генетические связи между областями, ими освещаемыми: становлением игрушки, изменением городского детского пространства и масштабного процесса конструирования Культуры Два, что в целом доказало эффективность этой методики как для изучения предмета исследования, так и для специального анализа самих советских журналов. На основании изучения «Летописи» были выявлены процессы, сопровождающие создание новой советской культуры на всем протяжении 1930-х гг., которые выражались в соответствующих дискуссиях и тематике статей журналов, отличающихся в различные периоды становления дискурса детства (1929–1934 гг., 1935–1936 гг., 1937–1939 гг.). Именно такое комплексное изучение журнальных материалов, в основном взаимодополнявших и редко опровергавших друг друга, позволило раскрыть поставленные в исследовании задачи с достаточно высокой степенью полноты.

Материалы разных журналов отражали цели и задачи их создателей, а также учитывали специфику читательской аудитории, что сказалось, в частности, и на отражении на их страницах вопросов формирования нового советского детского городского пространства. Рассмотренные журналы оказались достаточно достоверным источником изучения властных «конструирующих» стратегий и тактик, и в гораздо меньшей степени полными и репрезентативными с точки зрения исследования их практической реализации.

Изученные журналы фиксируют грандиозное и быстрое (по историческим меркам) становление детского городского пространства в середине 1930-х гг. Конструирование сети детских городских локусов (и репрезентация этого процесса на страницах журналов) можно назвать масштабным (по количеству структурных элементов) и системным (т.к. все структурные элементы играли определенную роль) процессом. Экстренность государственного дискурса о «счастливом детстве», очевидная по итогам проведенного исследования, необходимость его скорейшего конструирования и закрепления в сферах педагогики, образования, городской повседневности (через архитектуру), а также обширной репрезентации в СМИ, скорее всего, была частью подготовительной работы (наравне с генпланом Москвы 1935 г.) к предстоящему принятию конституции 1936 г.

Новое детское городское пространство, как часть явно политически обоснованного, пропагандирующего дискурса, несло в себе большой воспитательный и социализирующий аспект. Ценности новой Культуры Два были органично «вписаны» в физическое, концептуальное и визуальное пространство повседневности города, преобразованного после 1935 г. Все уровни пространственного познания повседневности ребенка (физического пространства города) были актуализированы с точки зрения новой культуры посредством игрушки. Так, вначале ребенком происходило познание себя относительно внешнего мира, своего тела (*corpus*) через игру в куклы и образные игрушки. Параллельно, посредством игрушки, происходило освоение ребенком интимного пространства дома (*domus*). Далее происходило освоение

городских детских локусов или пространств (locus), которые в новой советской культуре повсеместно несли игровой акцент.

Концептуальное пространство повседневности было обусловлено ценностями, вложенными, в том числе, и игрушку. Они, вместе со «взрослыми» советским ценностями, ретранслировались на визуальное пространство повседневности в виде эстетики преобразованных детских локусов. Так, визуальный код, объединяющий игрушку и изображения, который широко использовался в оформлении детских городских локусов (фото и панно, скульптуры и барельефы), пропагандировал спорт и эстетику телесности (изображения самих детей: здоровых, румяных, щекастых); веселость и оптимизм (изображения веселых, добрых, играющих ребят и игрушечных героев); патриотизм (через изображение исторических, народных, сказочных мотивов); и, конечно, «равнение» на образцы и авторитеты (изображения и в пространстве и в игрушке таких идеалов и образцов, как Павлик Морозов, «челюскинцы», «пионеры», «пограничники»). Таким образом, визуальное (оно же концептуальное) пространство повседневности города второй половины 1930-х гг. позволило комплексно воздействовать на психику детей и взрослых, способствуя быстрому и тотальному включению городского населения в зону влияния Культуры Два.

Таким образом, журнальная периодика 1930-х гг. является необходимым и значимым сегментом широкого источникового поля исследования истории изучения процессов конструирования и формирования детского пространства советского города, но в то же время источником, требующим обязательного герменевтического прочтения и верификации.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Публикации в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Хамитова Ж.А. Журнал «Советская игрушка» как источник по истории советского детства 30-х годов XX века / Сальникова А.А., Хамитова Ж.А. // Учёные записки Казанского университета. Т. 155. Серия Гуманитарные науки. Кн. 3, ч. 1. Казань, 2013. С. 200–211.
2. Хамитова Ж.А. Место и роль детей в советских архитектурно-социальных утопиях конца 1920-х гг. (по материалам периодической печати) / Хамитова Ж.А. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11. Ч.1. С. 173–177.
3. Хамитова Ж.А. Методика отбора источников исследования с помощью «Летописи журнальных статей» (на примере темы советского детства 1930-х гг.) / Хамитова Ж.А. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9. Ч. 1. С. 191–194.

Статьи, опубликованные в научных сборниках:

1. Хамитова Ж.А. Город будущего из прошлого: Проекты «нового советского социалистического города» 1920-х гг. по материалам журнала «Советская

Архитектура» / Хамитова Ж.А. // Видимые города: визуальные практики современного города. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2012. С. 126–136.

2. Хамитова Ж.А. Ребенок в пространстве советского города 1930-х гг. в материалах специальной архитектурной периодики / Хамитова Ж.А. // Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации: Сб. ст. и сообщений. Казань, 2011. С. 84–87.

3. Хамитова Ж.А. Российская блогосфера как исторический источник / Хамитова Ж.А. // Историческая наука и образование в условиях современных вызовов: Материалы международной научно-практической конференции. – Казань, 2012 г. С. 266–270.

4. Хамитова Ж.А. Советские журналы для архитекторов как исторический источник (по материалам журналов 1920-х и 1930-х гг.) / Хамитова Ж.А. // Историческая перспектива. Материалы научно-практической конференции молодых ученых-историков. Казань, 2013. С. 108–113.